

РОССИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.: РОМАНТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА

С. А. Исаева

В статье определяются культурологические факторы, обусловившие особенности развития русской музыки и ее восприятия в первой половине XIX в.; освещается реконструкция восприятия музыки в русской эстетической мысли обозначенного периода (А. Д. Улыбышев, М. Д. Резвой, В. Ф. Одоевский, В. П. Боткин, А. П. Серебрянский); рассматривается проблема самобытности русской мысли в восприятии музыки, с одной стороны, и ее парадоксальной восприимчивости к европейским направлениям – с другой; исследуется проблема соотношения романтико-идеалистического и реалистического восприятия музыкального искусства как стихии человеческих чувств, как «языка души», способного выразить «неизъяснимое», «непостижимое», приобретающего первостепенную роль в процессе художественно-интуитивного познания мира; выделяется эмоциональная содержательность и действенная сила музыки, подчеркивается активная роль ассоциаций при ее восприятии; развивается мысль о подражательной природе музыки; определяется социальная обусловленность музыкального искусства.

Ключевые слова: русское музыкальное искусство XIX в., музыкально-эстетические представления, эмоциональная содержательность, подражание, социальная обусловленность музыки, субъективно-романтическое восприятие.

RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY: ROMANTIC CONCEPT OF MUSICAL ARTS

S. A. Isaeva

The article defines cultural factors which affect properties of Russian music and its perception in the first half of the XIX century; presents reconstruction of music perception in Russian esthetic thought the indicated period (A. D. Ulybyshev, M. D. Rezvoy, V. F. Odoyevski, V. P. Botkin, A. P. Serebryansky). The paper examines the problem of the identity of Russian thought about the perception of music, which is coupled with the paradoxical susceptibility to European destinations. The author considers the problem of correlation of romantic-idealistic perception with realistic perception of musical art as elements of human emotions as “language of the soul” capable of expressing “inexplicable”, “incomprehensible”, acquiring a leading role in the process of artistic and intuitive knowledge of the world; highlights the emotional content and effective power of music emphasizes the active role of associations in its perception; develops the idea of the imitative nature of music; determines socially insured conditionality of music.

Keywords: Russian musical art of the XIXth century, music and aesthetic ideas, emotional richness, imitation, social conditionality of music, subjective perception of romantic music.

Русское музыкальное искусство XIX в. чутко воспринимало лучшие прогрессивные устремления национальной культуры, а также идеи освободительной борьбы. В начале этого периода произошел отход от штампов пасторальной и сентиментальной чувствительности, свойственной музыкальному

искусству XVIII в.; сложился реалистический метод, опирающийся на достижения психологической достоверности в воплощении человеческого характера. На новых идейно-эстетических основах в неразрывной связи с музыкально-на-

© Исаева С. А., 2014

учной и музыкально-критической мыслью этого периода развивались русская национальная опера, бытовой романс, хоровая и камерно-инструментальная музыка. С 1830–40-х гг. возрастает общественный резонанс музыки, которая активно проникает в демократические слои общества. «Процесс приобщения нового социально-разнокачественного слоя людей к духовной культуре другого класса и внесения в эту культуру “своих поправок” – процесс сложный и длительный <...>. Он уже стал выкристаллизовываться к концу 1830-х гг. и шел чем дальше, тем интенсивнее <...>. Вместе с борьбой воззрений и идей происходили сложные видоизменения в звучащих искусствах выражения мыслей и чувств – в человеческой речи и музыке, в характере их интонаций и их эмоциональной динамике», – писал Б. В. Асафьев [1, с. 21].

Характеризуя общее состояние музыкальной эстетики в России в начале XIX в., Н. И. Воронина отмечает, что она «<...> к целому ряду проблем подходила вполне оригинально. Сказывалось расширение информации о музыкальной деятельности в центре страны и западноевропейских городах, публикуемой в газетах и журналах. Предметом внимания и острых споров становилось множество основных и частных вопросов, имеющих значение для развития музыкального искусства, музыковедческой и музыкально-критической мысли: шло оживленное обсуждение концертной практики <...>, анализировались оперные спектакли (либретто, музыка, отдельные номера, интерпретации разными актерами одной роли). Поднимались архивные воспоминания, печатались впечатления слушателей <...>. Ставились проблемы восприятия музыки: как слушают; что больше нравится; как инструментально, исполнено произведение; как оно живет на сцене и вне ее» [2, с. 17].

Музыкально-эстетическая мысль этого периода испытывала на себе влияние классицизма и романтизма, которые су-

ществовали и развивались в постоянной полемике друг с другом. Закономерно, что господствующие эстетические воззрения оказали соответствующее влияние на трактовки восприятия музыки.

В начале XIX в. характерным являлось сочетание рационального и чувственного элементов в восприятии музыкального искусства, ярко проявившиеся, например, в «Теории музыки» (1818 г.) Г. Гесс де Кальве. По его мнению, музыка «есть согласование разных звуков, по известным правилам, в один общий приятный звук, или ряд звуков, произведенных страстным чувствованием и, следовательно, живописующих, могущих поддержать и укрепить сие чувствование. Чтобы иметь правильное понятие о сем приятном искусстве, должны мы искать его происхождение в человеческом сердце...» [6, с. 62]. Из его слов очевидно, что музыка трактовалась скорее как выразительница чувств, движений души человека. Подобное ее восприятие, ставящее в центр внимания не объект (действительность), а субъект (духовный мир) и чуждое подлинного понимания единства субъекта и объекта носило романтический характер. Таким образом, как указывает Ю. А. Кремлев, «совершенно очевиден конфликт между старыми “изобразительными” теориями XVIII в. и созревающими теориями романтической “выразительности”. Последние надолго оказываются определяющими» [Там же, с. 53].

Постепенное утверждение романтических взглядов на искусство обусловило значимость музыки в эстетических теориях. Она воспринимается романтиками как внутренний язык человеческой души, приобретающий первостепенную роль в процессе художественно-интуитивного познания мира.

Романтическая концепция музыкального искусства последовательно излагается в статье неизвестного автора «О новейшей музыке», напечатанной в 1820 г. в журнале «Невский зритель». В ней отмечается, что сила воздействия музыки обусловлена ее способностью

«возбуждать в нас ощущения непостижимые, заключающиеся вне пределов умственного мира». Это единственное искусство, которое носит характер «чистый романтический», поскольку музыка «не имеет никакой связи с существующим, но стремится к неизвестному, тому, что заключается в одном предчувствии человека» [5, с. 290]. И если музыка «древних» была «работою поэзии», то в XIX в. она выступила как «самодержавное, могучее искусство, область которого неизмерима». Суть романтической музыки заключалась в том, что она «независимо от поэзии и человеческого голоса может столь же сильно действовать на наше чувство посредством одних инструментов <...>. Чистая инструментальная музыка, не встречая никаких препон своему полету, как бы волшебною силою мгновенно увлекает нас в области беспредельного, таинственного царства фантазии. Там нет ничего вещественного, определенного <...>» [Там же].

Сторонники романтизма, полемизируя с классицистской концепцией подражания, абсолютизировали выразительную сторону музыки и считали звукоподражание «мелочным», «унизительным» для самого духовного из всех искусств. Утверждая, что истинное музыкальное произведение должно быть наполнено глубоким внутренним содержанием, романтики развивают представление о восприятии музыкального искусства в направлении, предсказанном А. Н. Радищевым. Так, «высшая степень совершенства» в искусстве, по мнению философа, писателя и основоположника научного музыковедения в России В. Ф. Одоевского, достигается только в том случае, если «поэзия сливается с философиею» [9, с. 161].

В 1820-х гг. появляются первые музыкально-критические выступления А. Д. Улыбышева, которому также было присуще романтическое восприятие музыкального искусства. В своей известной социально-политической утопии «Сон» (1819 г.) он провозглашает му-

зыку искусством идеального общества будущего, которое «заставляет предчувствовать то, чего ни одно наречие не может выразить и даже воображение не умеет создать» [12, с. 289]. Статьи об опере К. М. Вебера «Фрейшюц» (1825 г.) развивают романтическую концепцию музыкального искусства, которое не имеет «никакой связи с нашим нынешним существованием» и выражает «на языке, не передаваемом словами, все самое таинственное и наименее поддающееся определению, что заключено в человеческом сердце» [13, с. 320].

Следует отметить, что в рассуждениях А. Д. Улыбышева музыка трактуется как выражение только человеческой души, чувств, а не очеловеченного отражения действительности. Подобное романтико-идеалистическое восприятие музыкального искусства определило основное направление русской эстетической мысли периода декабризма, а отчасти и более позднего.

Именно с идеалистических позиций решает проблему восприятия музыки В. Ф. Одоевский, эстетические взгляды которого сложились под влиянием немецкой классической философии и прежде всего Ф. Шеллинга. Для В. Ф. Одоевского областью музыки являлось невыразимое, тающееся в глубинах человеческого духа. «<...> Музыка составляет истинно духовную сущность искусства»; представляет собой момент, «где определенное погружается в неопределенное, где конечное становится бесконечным», – писал Одоевский в набросках трактата по эстетике, над которым работал в середине 1820-х гг. [7, с. 175]. Он воспринимал музыку как чисто духовное искусство, освобожденное от всего предметного, на основании чего ставит ее выше не только живописи, но и поэзии. В одном из сохранившихся рукописных фрагментов В. Ф. Одоевский прибегнул к следующему образному сравнению: «<...> Всякое выражение есть выражение той или другой степени глубины духовной <...>. Так солнце является или в виде

ослепительного блеска, или в тихом отражении луны, или в грубых радужных цветах. Радужные цвета – живопись, луна – поэзия, солнце в чистом своем виде – музыка. Ни радужными цветами, ни луною не выражается солнце; ни живописью, ни поэзией вы не выразите музыки; она неопределенна потому, что есть выражение души в степени ее дальнейшей глубины» [8, с. 183].

Идеалистическое восприятие музыки как особого тайного языка человеческих чувств, сферы чистой духовности, не соприкасающейся с образами реального мира, господствовало в русской музыкальной эстетике вплоть до середины XIX в. М. Д. Резвой в статье «О сущности музыки» (1839 г.) вслед за В. Ф. Одоевским отводит музыке первое место в ряду искусств именно благодаря ее беспредметности и неопределенности выражения. М. Д. Резвой отмечает: «Язык музыкальный, без всякого сомнения, существует; он выше языка стихотворческого <...>. Он не может выражать предметов земных, не может с грамматическою и логическою ясностью излагать мысли поэта-музыканта; но чувства высокие, сильные страсти, душевные ощущения им выражаются правильнее, сильнее и даже как бы понятнее, нежели языком стихотворческим» [6, с. 152–153].

Подобное противопоставление чувства и мысли, эмоционального и интеллектуального мы находим у В. П. Боткина. В работе «Итальянская и германская музыка» (1839 г.) он пишет: «Музыка есть выражение чувства, одного чувства, без участия мысли, прямое проявление жизни души. Мысль, особенно как мысль, как сознание сущего, здесь совершенно не имеет места. Что такое всякая, так называемая музыкальная мысль, как не выражение моментального состояния души? <...> Чувство и мысль, в сущности своей составляя единое и целое, в проявлении своем различны, как плод от цвета» [2, с. 116]. Данное высказывание выявляет противоречивость взглядов В. П. Боткина.

С одной стороны, он трактует музыку как «выражение чувств», с другой – говорит о том, что «чувство и мысль – единое». Это объясняется тем, что эмоциональный образ, заложенный в музыке, является в то же время и содержательным началом, которое, однако, не может быть выражено предметно. В. П. Боткин, в соответствии с требованиями романтической эстетики, характеризует внимание на субъекте искусства. Чувственное выражение является для него только основанием для эстетического анализа. Например, особенность итальянской музыки, по мнению В. П. Боткина, заключается в ее земном характере, а ее успех он связывает с пением, поскольку только голос способен передать «задушевность», «упоение», «негу», «страсть», «меланхоличность».

В своих рассуждениях В. П. Боткин, косвенно указывает на способность человека воспринимать через музыку эмоциональные состояния души, то есть подчеркивает особое свойство данного искусства – выражать известные чувства и страсти, а через них и всю психическую жизнь человека. Таким образом, он выделяет эмоциональную природу музыкального восприятия, что впоследствии находит отражение в исследованиях ряда ученых XX в., в частности, Л. С. Выготского, Л. Я. Дорфмана, С. Х. Раппопорта, Б. М. Теплова и др. [3–4; 10–11].

Интерес представляет также позиция В. П. Боткина по отношению к инструментальной музыке, преобразование которой он объясняет изобретением музыкальных инструментов, что содействовало совершенствованию исполнительского искусства, способного более тонко передавать жизненные впечатления. Исследователь проявляет наблюдательность, подмечая тенденции сближения музыки с жизнью, однако остается в рамках идеалистического восприятия музыки. Например, В. П. Боткин далек от материалистического взгляда на объективную содержательность музыкаль-

ных интонаций и даже склонен считать музыку в какой-то степени непознаваемой, в связи с чем отмечает: «Нам невозможно определить свои музыкальные ощущения иначе как посредством сравнений, уподобления, намека, потому что чувство не имеет своего непосредственного языка» [6, с. 148].

Среди литературных документов 1830-х гг., отражающих господствующие музыкально-эстетические представления рассматриваемого периода заслуживают отдельного внимания «Мысли о музыке» А. П. Серебрянского. Опубликованные в 1838 г. в «Московском наблюдателе», они вызвали положительную оценку В. Г. Белинского. В работе А. П. Серебрянского присутствует немало идеалистических элементов. Так, в духе идей романтизма он говорит о музыке как об «идеальном языке природы», который способен выразить все, что существует в мире, – «от текущих по своим путям светил неба до полевой травы». Музыка для него – это откровение души человека и «мировой души», проявляющееся во всем, что доступно его восприятию.

Наряду с идеалистическими воззрениями, А. П. Серебрянский высказывает мысль о восприятии музыки как отражении действительности. Он пишет: «Признайся ж мне, гений-музыкант, ты у природы подслушал гармонические звуки свои! Ты только собрал тоны, рассеянные в беспредельном пространстве, и приблизил к нашему духу? Ты создал из этих тонов общий поэтический язык жизни, воодушевил их жизнью собственного сердца и фантазии?» [6, с. 154]. В этих словах присутствует стремление к материалистическому пониманию музыки; причем А. П. Серебрянский разделяет момент творческого восприятия (впечатление звуков природы) и момент идейного претворения («жизнь собственного сердца и фантазии»).

Рассматривая основные положения «Мыслей о музыке», необходимо отметить, что в ряде воззрений А. П. Серебрянский был близок реалистическим принципам французских музыкальных

эстетиков XVIII в. (Д'Аламбера, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо). Поддерживая их идеи, А. П. Серебрянский излагает мнение о возможностях музыки передавать звуками ощущения различных чувств, а также о том, что при ее восприятии возникают условные аналогии между звуками и эмоциями. Он пишет: «Сдается, будто и то, что молчаливо живет, что сказывается сознанию только цветом, вкусом или без того и другого, существует только, как осязаемое, – даже все это вошло в состав, вошло в смысл той оратории, которую создает музыкант. Нижние октавы, если следить их в некоторых изменениях, дают идею чего-то мрачного, горького, тяжелого; высокие тоны, напротив, более или менее приятны: они заключают в себе какую-то сладость, что-то легкое и светлое. Так все откликается на свой родимый звук <...>» [Там же, с. 155]. По нашему мнению, эти аналогии несколько наивны, однако уже в них у А. П. Серебрянского подчеркивается действительная роль ассоциаций при восприятии музыки.

Наряду с изложенными положениями исследователь развивает мысль о подражательной природе музыки, отмечая при этом единство объекта и субъекта искусства: «Не теряет ли своей высокой цены искусство гения музыки через подражание природе, через такое, хотя неумышленное, заимствование?.. Нет!.. в человеке те же стихии, те же силы духовные и недуховные, какие видим в целой природе, и природу в себе <...>. Мы только малая часть, сжатое отражение того целого, в котором совершается жизнь во всем бесконечном размере <...>» [Там же].

В ходе своих рассуждений А. П. Серебрянский также приходит к заключению о социальной обусловленности музыки и ее восприятия. Он отмечает: «Различие напевов двух, трех соседей, например, финна и малоросса, хотя слух их <...> воспитывается под влиянием почти одной и той же природы, не дает повода к недоумению. Узнаем

только судьбу семейств, составляющих села, города, страны, – и причины различия их напевов откроются в их жизни, склонностях, в степени образования и гражданственности» [Там же]. Таким образом, в «Мыслях о музыке» присутствует ряд прогрессивных идей, которые в дальнейшем имели существенное значение в исследовании проблемы восприятия музыки. И если в своих суждениях А. П. Серебрянский все же не преодолел колебаний между материалистическими и идеалистическими тенденциями, то это объяснялось общим состоянием музыкально-эстетической мысли рассматриваемого периода.

Подводя итоги, следует отметить, что для первой половины XIX в. наиболее характерным являлось субъективно-романтическое восприятие музыкально-

го искусства как стихии человеческих чувств. В рамках подобного определения музыки многие представители русской романтической эстетики (А. Д. Улыбышев, М. Д. Резвой, В. Ф. Одоевский, В. П. Боткин, А. П. Серебрянский) выделяли ее эмоциональную содержательность, действенную силу. Однако они также указывали, что музыке недоступно отражение реальных процессов действительности. Важным является тот факт, что при всей своей исторической ограниченности данное понимание музыки, особенно акцент на содержательности и действенности чувства, побуждало исследователей задуматься об идейных возможностях музыки и логически подводило к формированию во второй половине XIX в. новой концепции музыкального реализма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Асафьев, Б. В.** Глинка и развитие русской оперы / Б. В. Асафьев // Русская музыка : XIX и начало XX века (2-е изд.). – Ленинград., 1979. – С. 11–27.
2. **Воронина, Н. И.** Музыкально-эстетическая мысль середины XIX века (А. И. Герцен, Н. П. Огарев, В. П. Боткин) / Н. И. Воронина : под ред. И. В. Нестьева, В. М. Борискина. – Саранск : Изд-во Сарат. ун-та. Саран. фил., 1989. – 152 с.
3. **Выготский, Л. С.** Психология искусства / Л. С. Выготский. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – 416 с.
4. **Дорфман, Л. Я.** Эмоции в искусстве : теоретические подходы и эмпирические исследования / Л. Я. Дорфман. – Москва : Смысл, 1997. – 424 с.
5. **Корженянец, Т. В.** Мысль о музыке / Т. В. Корженянец // История русской музыки : в 10 т. – Москва, 1986. – Т. 4. – С. 281–305.
6. **Кремлев, Ю. А.** Русская мысль о музыке : в 3 т. / Ю. А. Кремлев. – Ленинград : Гос. муз. изд-во, 1954. – Т. 1. – 287 с.
7. **Одоевский, В. Ф.** Гномы XIX столетия / В. Ф. Одоевский ; сост., вступ. сл. и прим. З. А. Каменского // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века : в 2 т. – Москва, 1974. – Т. 2. – С. 171–176.
8. **Одоевский, В. Ф.** Из записной книжки / В. Ф. Одоевский, сост., вступ. сл. и прим. З. А. Каменского // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века : в 2 т. – Москва, 1974. – Т. 2. – С. 177–186.
9. **Одоевский, В. Ф.** Опыт теории изящных искусств с особым применением оной к музыке / В. Ф. Одоевский, сост., вступ. сл. и прим. З. А. Каменского // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века : в 2 т. – Москва, 1974. – Т. 2. – С. 156–168.
10. **Раппопорт, С. Х.** Искусство и эмоции / С. Х. Раппопорт. – Москва : Музыка, 1972. – 166 с.
11. **Теплов, Б. М.** Психология музыкальных способностей / Б. М. Теплов. – Москва; Ленинград : Изд-во АПН РСФСР, 1947. – 335 с.
12. **Улыбышев, А. Д.** Сон / А. Д. Улыбышев ; общ. ред. и вступ. сл. И. Я. Щипанова // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов : в 3 т. / – Москва, 1951. – Т. 1. – С. 286–292.
13. **Улыбышев, А. Д.** Фрейшюц / А. Д. Улыбышев // Ливанова, Т. Н. Оперная критика в России / Т. Н. Ливанова, В. В. Протопопов. – Москва, 1966. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 313–326.

Поступила 16.09.2014 г.

Об авторе:

Исаева Светлана Александровна, заведующий кафедрой народной музыки Института национальной культуры ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), кандидат культурологии, svetais13@rambler.ru

Для цитирования: Исаева, С. А. Россия первой половины XIX в. : романтическая концепция музыкального искусства / С. А. Исаева. – Вестник Мордовского университета. – 2014. – № 4. – С. 200–206. DOI: 10.15507/VMU.024.201403.200

REFERENCES

1. Asafev B. V. Glinka i razvitie russkoj opery // Russkaja muzyka: XIX i nachalo XX veka [Glinka and development of Russian opera. // Russian music: XIXth and beginning of XXth century]. 2nd ed., Leningrad, 1979, pp. 11–27.
2. Voronina N. I. Muzykal'no-jesteticheskaja mysl' serediny XIX veka (A. I. Gercen, N. P. Ogarev, V. P. Botkin) [Musical aesthetic thought the middle of the XIXth century (Alexander Herzen, N.P. Ogarev, V. P. Botkin)], ed. by I. V. Nestev, V. M. Boriskin. Saransk, Modrovia University Press Publ., 1989. 152 p.
3. Vygotsky L. S. Psihologija iskusstva [Psychology of Art]. St. Petersburg, ABC Publ., 2000, 416 p.
4. Dorfman L. Ya. Jemocii v iskusstve: teoreticheskie podhody i jempiricheskie issledovanija [Emotions in art: theoretical approaches and empirical research]. Moscow, Meaning Publ., 1997, 424 p.
5. Korzhenyants T. Mysl' o muzyke // Istorija russkoj muzyki [Thought on music // History of Russian music] in 10 volumes, vol. 4: 1800–1825. Moscow, 1986, pp. 281–305.
6. Kremlev Y. A. Russkaja mysl' o muzyke [Russian thought on music] in 3 volumes, vol. 1. Leningrad, Gos. muses. Publ., 1954, 287 p.
7. Odoyevski V. F. Gnomy XIX stoletija // Russkie jesteticheskie traktaty pervoj tretej XIX veka [Gnomes of the XIX century // Russian aesthetic treatises of the first third of the XIXth century : in 2 volumes, vol. 2]. Compiled by Z. A. Kamensky. Moscow, 1974, pp. 171–176.
8. Odoyevski V. F. Iz zapisnoj knizhki // Russkie jesteticheskie traktaty pervoj tretej XIX veka [From the notebook. Russian aesthetic treatises of the first third of the XIXth century] in 2 volumes, vol. 2. Compiled by Z. A. Kamensky. Moscow, 1974, pp. 177–186.
9. Odoyevski V. F. Opyt teorii izjashnyh iskusstv s osobennym primeneniem onoj k muzyke // Russkie jesteticheskie traktaty pervoj tretej XIX veka [Experience of the theory of Fine Arts with a special application thereof to the music. Russian aesthetic treatises of the first third of the XIX century], in 2 volumes, vol. 2. Compiled by Z. A. Kamensky. Moscow, 1974, pp. 156–168.
10. Rappaport S. H. Iskusstvo i jemocii [Art and emotions]. Moscow, Music Publ., 1972. 166 p.
11. Teplov B. M. Psihologija muzykal'nyh sposobnostej [Psychology musical abilities]. Moscow, Leningrad, APN RSFSR Publ., 1947, 335 p.
12. Ulybyshev A. D. Son // Izbrannye social'no-politicheskie i filosofskie proizvedenija dekabristov [Sleep. Selected socio-political and philosophical works of the Decembrists] in 3 volumes, vol. 1. ed. by I. Y. Shchipanov. Moscow, 1951, pp. 286–292.
13. Ulybyshev A. D., Livanova T. N., Protopopov V. V. Frejshjuc // Opernaja kritika v Rossii [Freyshyuts. // Opera critic in Russia]. Moscow, 1966, vol. 1, no. 1, pp. 313–326.

About the author:

Исаева Светлана Александровна, head of Folk Music chair of Institute of National and Folk Culture, Ogarev Mordovia State University (Russia, Saransk, 68 Bolshevistskaya Str.), Candidate of Sciences (PhD) degree holder in Culturology, svetais13@rambler.ru

For citation: Isaeva S. A. Rossiya pervoj poloviny XIX v.: romanticheskaja koncepcija muzykal'nogo iskusstva [Russia in the first half of the XIXth century: Romantic concept of musical arts]. *Vestnik Mordovskogo Universiteta* – Mordovia University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 200–206. DOI: 10.15507/VMU.024.201403.200